

ОТ РЕДАКЦИИ

Казалось, после публикации реплики Александры Луц в третьем номере «Юности» за 2017 год дела литературные вновь уступят место реалиям политическим, экономическим, юридическим... Но не тут-то было.

Опять с Тургеневым нет нам покоя. В нынешний век реально денежных чиновников у нас почему-то сплошная фантасмагория творится.

А вот так бывает! Ей-богу, бывает. Честное слово. Вы ведь верите честному слову? Это бывает Накануне дождичка в четверг. Все как положено. За окном автомобильный «Дым» апреля. И асфальтовые «Вешние воды». Лай дворяни Муму. За соседней дверью — лай «Отцов и детей». Обыкновенная история. И вопреки ей как никогда хочется думать пафосно, метафорично, романтично, алогично. И потому — еще более пафосно. «Чтобы дважды два не было четыре». И обыкновенное наконец-то превратилось в Необыкновенную историю. Словно «Обрыв» уже поза-

Дорогая «Юность»!

Пишет вам помещик Мценского уезда, коллежский секретарь, да и просто великий писатель земли Русской... Иван Тургенев. (Вроде я так про графа Толстого ляпнул по дурачине перед самой смертью, видимо, потому как от него когда-то по милости графской и получил. Ну да ладно — у себя фразки красть можно сколько угодно!) А прожил я так, словно извинялся за свою жизнь. Зачем? Неужели и после смерти придется? Зачем...

Почему именно к вам? С «Современником» разошелся навеки. Герценовский «Колокол» вдруг стал «Русским». А «Отечественные записки», «Вестник Европы» и прочие (с которыми я, мягко говоря, периодически не ладил) благополучно канули в Лету. Можно было, конечно, в пушкинскую «Литературку» сунуться, да я в каких-то союзах писателей не состою. И вообще, потом еще будут шептаться — во всем виноват Пушкин, мол, сосватал. Не хочу его в очередной раз подставлять...

К тому же хочется обратиться ко всем читателям и нечитателям, писателям и неписателям и просто ав-

Елена Сазанович отправила в редакцию «Юности» письмо от классика аж девятнадцатого века. Хорошо, публикуем: классик все-таки! Но оригинал письма, по утверждению нашего постоянного автора, куда-то заделался. И как теперь быть? Куда обращаться? Так было письмо или нет? Тебе решать, дорогой товарно-денежный читатель...

ди. Или еще впереди... Что, впрочем, порой, одно и то же... Под дверью моего далеко не «Дворянского гнезда» лежал конверт. С сургучной печатью. Кому: журнал «Юность». От кого: от возмущенного старика Ивана Тургенева. И приклеенная марка с изображением ну уж очень сердитого Ивана Сергеевича. Но почему на мой адрес? А-а-а... Как почетному ветерану «Юности». 1812 года... Чья-то шутка?.. Ладно, пусть хоть марка останется. Бережно отклеиваю марку и небрежно открываю конверт.

торам вашего журнала и других литературных и окололитературных изданий. И — с высоты прожитых лет (вернее, веков) — кое о чем поведать.

Вас я при жизни не знал. Потому нам и делить нечего. Но — и все же. Делить, оказывается, можно всегда, даже когда находишься в различных измерениях, временах и пространствах. И особенно когда это касается собственной судьбы. Которая и при жизни была такой несчастной, ей-богу, несчастной, как на исповеди говорю. Так не нужно ее делать еще более несчастной после смерти. Когда исповедь уже невозможна... Обращаюсь к вам как к адвокатам, поскольку у нас тут адвокатов и нет. Хотя у вас, похоже, одни обвинители остались. И кто за нас вступится? Звезды, с которыми мы побратались? Небо, которое мы покорили? Земля, которая нас обессмертила? Уж и не знаю... Наверное, вечность — единственный наш адвокат... Но это опять же — излишний пафос. Хотя излишеств пафосу я никогда не приписывал.

Вот и Гончаров мне ободряюще подмигивает. И Некрасов кивает... И Пушкин толкает в бок. Да

все... Ей-богу, все. Все мы не виноваты... Кроме того что жили, творили и, наверное, ошибались. Если бы не ошибались, то и не жили бы, и не творили, пожалуй... Но, похоже, из всего нашего интересны лишь наши ошибки.

Вы представляете, чем еще дышать, если дыхание — одни лишь ошибки. Вдыхаешь — ошибка. И легче. Выдыхаешь — ошибка. И легче во сто крат. Так чем дышать? Вашими дорогами, которых у вас нет? И, наверное, уже не будет... Я говорю просто как автор «Отцов и детей». Нет, не просто. Бог с этими отцами и детьми. Меня они и самого достали, так как при жизни и досталось от них. Я говорю как пацифист и революционер. Морально устойчивый. При чем я всегда был пацифистом. Как и каждый русский. За что и готов отдать правую руку. За пацифизм. За то, чтобы не было войны. Могу писать левой. Впрочем, и левую не пожалею. Могу писать ногой, могу просто сочинять вслух. Могу без глаза, а могу и без двух глаз. Я все могу! Поскольку все очень просто — я просто умею сочинять. А еще хорошо знаю, что такое метафора.

Тот же пацифизм Толстого вылился в «Войну и мир». И закончился войной. Ради мира. Его пацифизм вообще пошел дальше. Он поспорил с самим Богом. Не знаю, победил ли Бога, но в истории остался пацифистом... А революционерами мы были все. Все абсолютно! И остаемся! И останемся. А разбираться, кто был либералом, кто — западником, кто — демократом, кто — народником... Лишнее. Здесь сам черт ногу сломит. Все так перепуталось. И вам не под силу. Как не под силу будет и вашим потомкам разобраться: кто же были вы на самом деле? Все так перепуталось... Или кто-то умело запутал и без того запутанный узел. Не мне судить. И не вам. Хотя мы с вами вроде и не глупы. Но тут уже дело не в глупости.

Революционерами же всегда были (и будут) не обязательно те, кто стреляет или бросает бомбы. А скорее, те, кто стреляет словами и взрывает идеями. Те, кто умеет думать. Умеет сострадать. Умеет сопоставлять и, наверное, просто делиться — мыслями и чувствами. И всем остальным прочим. Такие люди всегда будут революционерами. Таковым считайте и меня. И то, что был барином, делает мне честь вдвойне, поскольку всегда утверждал, что революционеры нашей эпохи были из хороших семей, посему личной выгоды не искали. И крепостное право я ненавидел от всей души. Не потому, что мать была крепостницей, — самодуров в любом обществе отыщешь с легкостью, вам ли не знать. А потому как не мог смотреть на то, что вы давно уже должны были прочитать в учебниках. Хотя бы. И неужели вы настолько невниматель-

но прочитали мои произведения, что сузили их до уровня фетодетовского быта.

Впрочем, о чем это я? Говорят, что нынче вообще не читают. Пожалуй — почти убедился. Впрочем, в России возможны всякие времена. В том числе и безкнижие, и безвременье. Книжки уже пылятся в заброшенных библиотеках России. Книжки уже мокнут на по-прежнему разбитых дорогах России. Если бы книжки умели плакать, они бы утонули в слезах... Что ж, лучше поплачу я. Вот и Пушкин вновь ободряюще толкнул меня локтем. Плачет. Как всегда — виноват тоже.

Вы, конечно, можете записать меня в разряд ловкачей. Толстокнижки некоторых классиков никто не прочтет, а у меня еще есть шанс. Пару строк — и шедевр о России и языке русском. Не потому, что жил за границей. (Опять же — насколько все мелко! И когда эта мелочь в кармане закончится?) А потому, что эти строки написал бы в любом уголке мира. О России. И в первую очередь написал бы в России. (Если бы Бог дал мне еще один шанс.) Которую не просто любил за русский язык. Которую просто любил. Наверное, так же, как любите ее вы... Но, извините за нескромность, я все-таки любил ее больше. Как и все мои революционные товарищи по перу. И не только. А вы: «Собрать все книги бы да сжечь»?.. О чем это я? Кажется, это было сказано еще до меня. Не дай Бог, опять обвинят в плагиате... Нет, цитату я заковычил... Тут, кстати, и Гончаров посмеивается. Рядом он, рядом.

Эх, любезнейший Гончаров! Извини, но смерть всех нас делает на «ты». Эх, Иван! Докатился до того, что чуть ли в краже имени своего обвинил, родился-то раньше. Однако мы — два Ивана. Наверное, два дурака. Или — наоборот? Как в русских сказках бывает.

Эх, Иван! Нынче не книжки наши сравнивают. А судьбы. Вернее, продолжают суд судеб. А про суды ты все знаешь... Но на этом суде мы — на одной скамье. История нас примирила. А вот с нами не примирилась, похоже... Дурость твоя российская, Иван. И ведь как ленив был, чертяка! Как ленив! И прозвище твое удачно — господин де Лень. Так нет, взял и плюнул в мое творчество... Нет, Иван, шучу я, шучу. История давно рассудила. И все расставила по своим местам.

Однако же нет, найдутся отдельные «исследователи», дрожащими ручками перелистывающие странички истории. Чтобы вновь осудить... А знаете почему? Потому как великих к себе приравнять мечтают. Доказать хотят, что мы не гении? Мол, с утра до вечера только тем и занимались, что подворовывали друг у друга сюжетцы. И чужих персонажиков к себе переманивали... А знаете еще почему? Потому, наверное, что сами-то они друг у друга все списывают. С утра до

вечера. Однако все одно — не получается! В итоге все равно — ерундистика!.. Умора, и только.

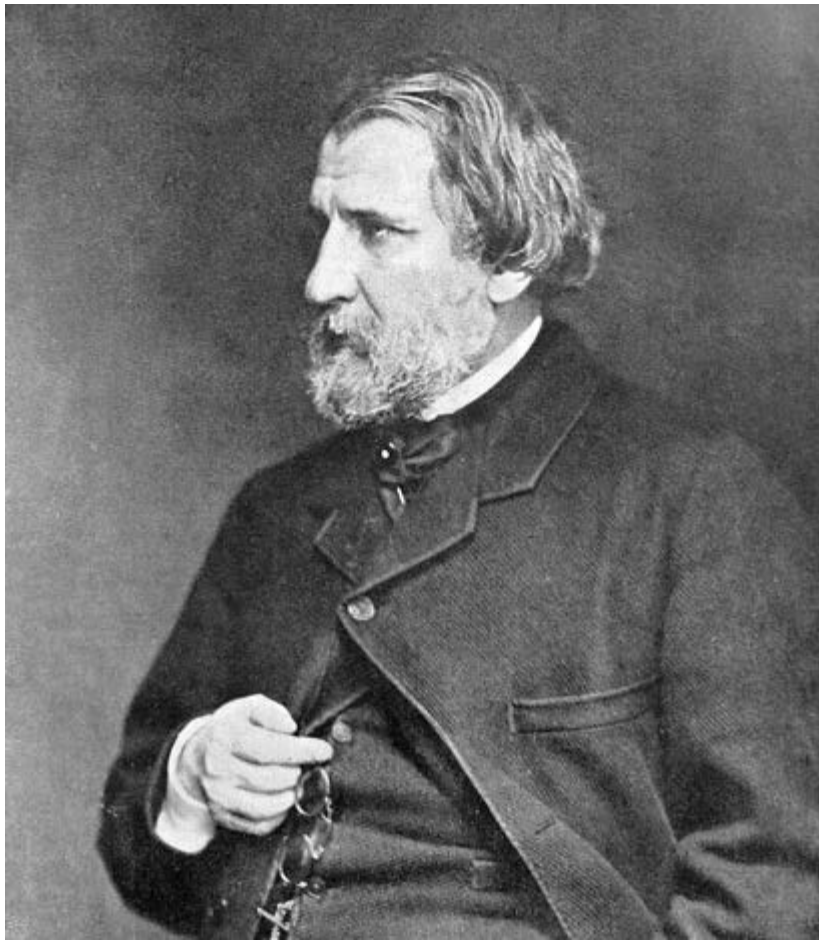
Завидуют они нам, Иван, завидуют. Конечно, и Пушкину, поскольку во всем виноват! И произведения наши не читают. И не дают читать! Поскольку сравнения боятся. А сравнивать, в общем-то, не с кем. Опять же, извините за нескромность. Потому и копаются в наших сложных жизнях. Хотят влезть в наши самые сокровенные мысли. Разгадать наши самые затаенные желания... Вот я опять про Гончарова Ивана. Шельмец! И сам — настоящий плагиатор. Поскольку Обломова списал! Сам с себя. Однако как гениально! Кому такое под силу?!

А некоторые и с себя списывать рады — а нечего. Души нет. Любви нет. Извините, даже пафоса — и то нет. Вот нами и прикрываются. А мы — гении. Извините за нескромность. Гении — не больше и не меньше. Ну, другого слова еще не придумали, хотя столько выдумали за прошедшие века! Впрочем, больше и не бывает. *Quod licet Iovi, non licet bovi* (с латыни, для тех, кто не понимает: что дозволено Юпитеру, не дозволено быку). Юпитеры мы, Юпитеры!.. Вон и Пушкин в который уже раз ободряюще в бок толкает. Остается пожелать, чтобы нынешние хотя бы до быков дотянули...

И зачем лезут они, лезут в наши жизни? Не читая, не вчитываясь. Зачем? Чтобы доказать, что мы не Юпитеры, а пройдохи и распутники? И все-таки нас еще не сожгли на вселенском книжном костре...

Впрочем, уважаемая «Юность», я, наверное, уж слишком. Суров. Ну и характер! Наболтаю, а потом мучаюсь. Однако слишком многое накопилось. Нет, не шведской семьи. «Разных прочих шведов» — знаю! (Опять цитата — перестрахаюсь и закавычу.) Они довольно консервативны. Просто не знаю, что такое шведская семья, извините. Я так понимаю, нечто греховное? Может, шведам просто мстят за коммуны и социалистические эксперименты? Как мстят и вам. А вы вместо отрицания — мстите нам... К слову, сами шведы меня любили переводить, и шведские семьи меня с удовольствием читали. (Или я что-то не о том?)

Да и любить я — любил. Каюсь. Или не стоит? Ведь первая любовь... Это любовь и последняя. Или я про

последнюю не писал? Не помню. Тут Иван Гончаров умнее оказался — личная жизнь у него была наискуднейшая! Хотя подозреваю, что этот толстый пройдоха просто ловко ее скрыл. А любить он умел! Еще как! Как и все мы... Нужно ведь еще уметь любить! А любовь, похоже, уже тоже ушла. Измельчилась. Испарилась. Испепелилась. Как и смысл. Всей вашей жизни. Впрочем, проживите еще эту жизнь. И тогда, возможно, поймете, грешен я или нет. Или же сразу ступайте в монахи.

Однако же я так и не написал, зачем и к чему это письмо. Я как всегда категоричен. И как всегда мягок. Удачное сочетание.

С оказией прочитал последние номера вашей «Юности». Вдохнул. Умилился — как же много про меня, забвенного, пишете... И развел руками... Так вот. Одна заметка про меня понравилась. Та, что из рубрики «...которые потрясли мир». Я бы сказал — потрясающе, но не буду лукавить, потому как жизнь моя была далеко не потрясающей. И некоему Е. Сазановичу, этому мудрому старцу, все же спасибо... Вторая заметка не понравилась. Просто хотелось воскликнуть: я возмущен! Ан нет — не возмущен. Воз-

мущаться можно силой, умом, нравом. Даже звездами можно возмущаться. Или хотя бы одной. Вон там, посмотрите на небо, первая в апреле, слегка мигающая. Нет звезд — и нет апреля. И нет возмущения. Вообще. Потому как нет ни разговора, ни диалога, ни спора... Надо бы хоть поначалу просто прочитать меня! А те, кто не хочет, пусть по-прежнему на скамейках. При семечках. Потешаются. Над моей непопешной жизнью...

Впрочем, в любом случае спасибо, дорогая «Юность», за память. Поколений не бывает. Это я заявляю как автор «Отцов и детей». Извините за пафос, нужно просто иметь душу. А для души — возраста нет...

Книжки мокнут, мокнут, мокнут на разбитых дорогах России. Если бы они только умели плакать...

Хотела занести письмо в редакцию. Заглянула в рюкзак. Не нашла. Только помятая марка с Тургеневым. По памяти письмо и записала. Если вы, уважаемая «Юность», сочтете нужным — напечатайте. Если нет — положите в стол или пусть пылится на полке. Ой, словила себя на плагиате. Ладно. Хотя бы марка осталась. Если потребуется — к письму приложу, для доказательства. Потом. Когда-нибудь. Когда потеплеет...

Елена Сазанович

Вот оно, время остановилось... Когда жизнь — просто барахтанье в пустоте. И пустота не заполняется. Потому как нечем. Хотя и это всего лишь метафора. Потому как будущее — это что будет, то будет. Настоящее — это что есть, то есть. А прошлое... Это наши тени. Над которыми уже развлекаются. И устраивают суды... А виноват все-таки Пушкин! Видимо, есть за что... Виноватых без вины не бывает.

Так что благодарю за внимание, дорогая редакция. Надеюсь, вы как настоящая «Юность» быстрее всех иных донесете мои мысли до юности. Если напечатаете письмо — низкий поклон. Если нет — спрячьте в стол или пусть пылится на полке.

А вообще, такое ощущение, что XXI век немного с приветом.

С приветом, Иван Тургенев.

Апрель 2017 года, Санкт-Петербург